

А. И. Кузнецова

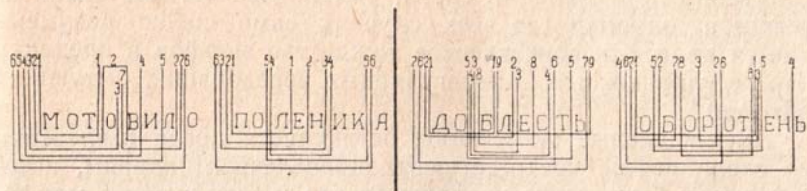
**РОЛЬ СЕМАНТИЧЕСКОГО ФАКТОРА
ПРИ МОРФОЛОГИЧЕСКОМ ЧЛЕНЕНИИ
СЛОВ РУССКОГО ЯЗЫКА
И СОСТАВЛЕНИИ СЛОВАРЯ МОРФЕМ**

1. Мнение о том, что выделение корней в словах происходит с учетом семантики, на которую и необходимо ориентироваться в первую очередь (слово сопоставляется с другими семантически родственными словами), является общепринятым. При этом смысловая близость членимых слов устанавливается интуитивно, «на глазок», т. е. с самого начала членения слова ставится в прямую зависимость от языковой культуры носителя языка, от его языкового чутья. Совершенно очевидно, что семантические ассоциации (там, где они вообще возможны) у разных людей различны. Отсюда следует неодинаковость выделяемого корня в большом количестве слов.

Эксперимент, проведенный для 3000 слов с 30 испытуемыми, среди которых большинство составляли студенты-филологи, показал значительные расхождения при членении половины всех взятых слов (1500 слов были разделены единообразно), причем в 20% случаев (т. е. приблизительно в 600 словах) у каждого слова оказалось по 3—4 и даже 6—8 (часто совершенно фантастических!) вариантов членения. Так, слово *вольготный* у одних испытуемых ассоциировалось с существительным *воля*, у других — с существительным *льгота*, а у третьих в памяти всплывало только существительное *вольготность* и корнем считалась вся основа; при членении слова *государство* у испытуемых возникали семантические связи с

существительными *сударь*, *дар*, *государь*, в результате сравнения с сокращениями типа *госбанк*, *госкапитализм* был выделен корень *-гос-* и даже два корня *-гос-* и *-дар-*, в связи с чем слово *государство* интерпретировалось как «господний дар»; слово *уголовник* одним испытуемым представлялось образованным от *угол*, другим — от *голова*, третьим — от *голый*. Не меньший разнобой царил в членении слов *согбенный*, *естественный*, *внимательный*, *изобретатель*, *влиятельный*, где семантические параллели еще более затруднительны. Кроме того, значения около 100 слов из 3000 оказались неизвестны четверем и более испытуемым (например, *поленика* «растение», *дербина* «целина, заново вспаханная», *обабок* «гриб подберезовик», *гугнивый* «гнусавый», *дерть* «остатки от обдирки крупы», *мотовило* «часть жатвенной машины; приспособление для размотки пряжи со шпулей в мотки», *супонь* «ремень для стягивания хомута при запряжке лошади», *тороватый* «ловкий, проворный; щедрый» и др.).

Эти 100 слов (I список), а также 150 слов из первоначального списка с максимальным количеством вариантов членения (II список) были розданы дополнительно для членения еще 100 лицам¹. Разнобой в членении всех слов обоих списков равно велик; принципиальных различий в результате их членения нет, что видно из следующих примеров:

Количество людей, предлагающих для каждого слова тот или иной вариант членения, различно, причем правильно выделять корень (под «правильностью» понимается непротиворечивость этимологическому восприятию корня) может как меньшинство, так и большинство испытуемых (в приведенных примерах правильный — в нашем понимании — вариант всегда дается первым):

¹ Среди 100 испытуемых было 50 представителей гуманитарных профессий с высшим или незаконченным высшим образованием (филологи, философы, психологи, экономисты...), 20 представителей естественно-научных профессий (физики, химики, биологи...), 20 человек с высшим техническим образованием и 10 человек без высшего образования (рабочие, школьники, чертежницы).

	Число испытуемых, давших соответствующее членение с указанием порядкового номера варианта членения									Всего
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	
Мотовило . .	63	6	7	5	1	16	2	—	—	100
Поленика . .	23	2	50	12	3	10	—	—	—	100
Доблесть . .	7	10	8	26	22	4	20	2	1	100
Оборотень . .	41	17	12	4	7	15	2	2	—	100

Используя эти данные, можно определить вероятность (P) того, что испытуемый выберет i -ый вариант членения:

$P_i = \frac{N_i \pm \sqrt{N_i}}{N}$, где N_i — число испытуемых, давших i -ый вариант членения, $i = 1, \dots, 8$; полное число испытуемых $\sum N_i = N = 100$.

2. Результаты эксперимента со словами, значения которых неизвестны испытуемым, показали, что чувство морфологической формы слова, его структуры и общее представление об аффиксальном инвентаре языка едва ли не более существенно при членении слова, чем подчас шаткие семантические ассоциации (во всех случаях само собою разумеющимся является фонетическое тождество морфов в пределах как регулярных, так и нерегулярных чередований, бытующих в языке).

Аффиксальные окружения, остающиеся после извлечения из слова корня, соответствуют определенным корням, которые могут быть легко угаданы (а это и есть чувство морфологической формы слова) для 90% моделей (аффиксальных окружений), так как каждое из последних может соединяться лишь с 1—2—3—4 корнями, существующими в языке. К сожалению, подобное невозможно сделать для остальных 10% аффиксальных окружений, которые могут соединяться со значительным числом различных корней — вплоть до нескольких сотен (корни *-ста-*, *-да-*, *-де-*).

Реконструкция слов по этим «многокорневым» окружениям возможна лишь в контексте, да и то с малой вероятностью. Реконструкция текста по аффиксальным окружениям, предварительно выделенным исследователем, дает разные результаты по разным жанрам. Опыт, проведенный с 10 испытуемыми, показал, что газетный текст расшифровывается в 90% случаев, художественный — в 71%, а специальный

(брался лингвистический) — лишь в 51% даже при наличии у испытуемого общего представления о терминологии в данной области и предмете обсуждения. Возможна и «обратная» реконструкция текста — по корням и окончаниям, которая дается более легко.

Однако ориентированность лишь на морфную структуру без учета семантики слов также чревата серьезными искажениями в восприятии слов: например, выделения приставки *об-*, исторически действительно существовавшей в словах *облечь*, *обладать*, *облако* и под., приводит в настоящее время к ошибочному вычленению ложных корней *-лечь-*, *-лад-*, *-лак-* (*-влечь-*, *-влад-*, *-влак-*), абсолютно не связанных по смыслу с глаголом *лечь* или существительным *лак* и *лад*. Поэтому чисто формальное деление слов на морфемы желательно корректировать во всех случаях смысловым критерием. Наличие в языке строго определенного инвентаря морфов, как корневых, так и аффиксальных, имеющих определенные правила аранжировки, позволяет утверждать, что при членении слов более существенным является не семантический критерий (тем более, что в языке имеется множество слов с так называемыми связанными основами типа *взять* — *приятель* — *объять*, где семантический критерий мало поможет, или *пт-енец*, *пт-аха*, *пт-ица*, где семантический критерий все-таки действует, и т. д.), а формальный — критерий структуры слова, который должен затем дополняться, насколько возможно, семантическим критерием во избежание грубых ошибок в членении.

3. С этим общим положением непосредственно связан ряд практических вопросов и, в частности, вопрос о принципах построения словаря морфем, поскольку в отличие от других типов лингвистических словарей, где обычно на первый план выдвигается семантический критерий, здесь, по нашему мнению, должен превалировать критерий формального строения слова.

Так, каждый корневой морф следует проверять с трех точек зрения: 1) с точки зрения его непротиворечивости другим существующим в языке корневым морфемам и аффиксам (например, в слове *вольготность* нельзя выделять корень *-воль-*, как это делали многие испытуемые, так как в русском языке нет суффикса *-гот-*); 2) с точки зрения его непротиворечивости этимологии (в общих чертах, потому что полного совпадения во многих случаях быть не может) и 3) (где это возможно) с точки зрения хотя бы отдаленного семантического сходства сопоставляемых слов. Учитывая третий, а частично и второй критерии, необходимо давать са-

мостоятельные словарные статьи на «омонимичные» корни, например: 1. *пол* (*пол, половик, половица*), 2. *пол* (*полоть, прополка*), 3. *пол* (*полюй, полынья*), 4. *пол* (*половина, исполу*) и др. При усилении семантического критерия число «омонимичных» корней с синхронной точки зрения может быть увеличено (вид корня сохраняется прежний).

Однако, как и в лексикологии, существует трудность разграничения «полисемии» и «омонимии», которая особенно сказывается на семантической трактовке суффиксов. При составлении словарных статей на суффиксы целесообразно, видимо, давать их в случаях типа *учи-тель* и *выключа-тель* не как «омонимичные», а как «полисемантические», т. е. приводить в одной словарной статье, но рассматривать как различные суффиксы, когда имеются различные чередования или разная соотношенность с различными частями речи, например: 1. *-у-* (*председательств-у-ющий*, где *-у-* чередуется с *-ов-*) и 2. *-у-* без какого бы то ни было чередования (*книз-у, сверх-у*) или 1. *-ич-* (*бар-ич, москв-ич*) и 2. *-ич-* (*рукав-ич-ка*, где имеем *-ич-/иц-*, или *прян-ич-ный*, где отражено чередование *-ич-/ик-*).

Что касается «значений» суффиксов, то об этом ведутся бесконечные и, как правило, бесплодные споры. Для большинства суффиксов вообще нельзя говорить о каком-либо «значении». Это обстоятельство привело в последние годы к многочисленным попыткам выделения в языке «строевых элементов», интерфиксов, «морфных прокладок», тогда как на деле подобные явления очень редки и возникают в результате либо аналогии, либо желаний ликвидировать несвойственное русскому языку зияние.

Таким образом, при составлении словарных статей на суффиксы за исходное разумнее брать следующий формальный критерий: учитывать морфологическую структуру слова, существующие в языке чередования суффиксов, а кроме того, как вспомогательный фактор (четкого соответствия определенных суффиксов определенным частям речи для подавляющего большинства слов русского языка нет) их соотношенность с той или иной частью речи.